

Сергей КРУЧЕНИН

А Б Р О С И М О В

или ЕВА – онанист

«Минутку, одну минутку, господин палач,
одну маленькую минуточку».

*(Жанна Мария графиня Дюбарри,
Франция, 1793 год)*

Снег начал падать неожиданно, крупными хлопьями, и вдруг прекратился. Мутное солнце подкатилось к трубам третьей ТЭЦ. Начав их плавить, сделало прозрачными и как сваркой разделило пополам, снег на реке порозовел, рядом с тёмными холмиками рыбаков отпечатались кровяно-свекольные тени.

Я шёл через Коммунальный мост на левый берег. Именно шёл, а не ехал, неся в себе затаённую и пока непонятную тревожную мысль.

Мимо, вздрагивая на стыках, с наждачным звуком двигались трамваи, тяжёлые маслянистые автобусы притормаживали и обдавали меня тошнотворными сладковатыми выхлопами, будто возмущаясь моим нежеланием присоеди-

ниться к их пассажирам, впустую суетящимся, дышащим в затылок друг другу отработанным неполноценным воздухом. Я искал ясности мыслей, жаждал свежего колючего ветра, но здесь на мосту его тоже не было. От автомобильного смрада хотелось бежать, и я бежал всё быстрее и быстрее, устремляясь к Голгофе, к казни, я бежал убивать моего старинного друга ЕВА – Евгения Валентиновича Абросимова. Смысл и жгучая потребность этого убийства заключалась в тайне амбарных книг, в которые он, как Пимен в летопись, скрупулёзно, странным почерком, похожим на старинный полуустав, заносил бесконечный роман своей жизни: стихи переходили в прозу, затем в пьесу или описа-

ние ночного сна, опять в стихи или рассказы, и так до бесконечности... Это был страстный поток сознания – причудливая смесь фантазии и жизненной правды, писательской игры и бытового цинизма. Я был уверен, что именно там, в амбарных книгах, найду письма к моей жене и моей дочери, а, возможно, и их ответы. Я должен, должен их прочитать и расквитаться с автором.

Часы на Горской, рекламировавшие Мальборо, показывали без пяти четыре. Мне следовало торопиться.

План был прост и ясен. Жил он хоть и в своей квартире, но как бомж. Не выметаемый сор, рядом с раздолбанной газовой плитой толпа грязных засаленных бутылок. Правда, в комнатах следы относительного порядка человека, много пишущего и читающего, в углу запылённая икона с давно угасшей лампадой, жалкие остатки картин, когда-то нарядно заполнявших эти стены – работы покойного отчима. За счёт продажи этих живописных полотен Абросимов жил последние годы, порою питаюсь раз в сутки. Дверь в квартиру уже несколько лет не закрывается, сломан замок. Уходя, хозяин прижимает её газеткой. Для меня это сигнал – его нет дома. Каждый день в четыре часа он уходит пить дешёвое пиво в близлежащий ларёк. Я вхожу в квартиру, иду на кухню, включаю на полную мощность все четыре конфорки, слышу шипение газа, быстро иду в комнату и нахожу на письменном столе две стопки амбарных книг. Беру наугад из правой, подхожу к окну и начинаю судорожно листать. Давно знакомый, со многими условностями почерк с щегольскими закорючками – над некоторыми фразами я замираю, впитывая их красоту. Вновь торопливо листаю – текстов писем нет... Я уже чувствую сильный запах газа, пора уходить... Надо забрать все амбарные книги, ведь мне предстоит быть наследником его творчества, придётся издавать... или присвоить – чёртиком мелькает паскудная мысль.

Вдруг – ясно слышу – он вошёл – кричу: «Не включай свет, я здесь – зачитался!» Помню – выключателя нет – сло-

ман, торчат концы оголённых проводов, свет включается простым соединением – вижу, как он испуганно поворачивает своё бледное лицо, обросшее диким, нестриженным волосом, как пальцы судорожно нащупывают электрический провод, автоматически, бессознательно движется его рука – **ВСПЫШКА ВЗРЫВА!**

Я просыпаюсь в горячем поту, как будильник заработал телевизор. Резко из-под одеяла выбрасываю руку, прихлопываю звук. В квартире тихо, кажется, никого не разбудил. Я продолжаю лежать, переживая страшный сон, пытаюсь разять прозрение ужасающего вероломства близких и зигзаги фрейдизма сновидения, не отличимого от жизни.

Вчера я до поздней ночи писал десятиминутку для «Микрофорума» о старых новосибирских улицах, вспоминал, как с Абросимовым на дне оврага у Маслозавода неожиданно обнаружили таинственную улицу с мистически-массонским именем Моцарта – уютные домики с миниатюрными огородами были разбросаны по обеим сторонам замусоренной Второй Ельцовки.

Надо бы стряхнуть мрачный сон и лирические воспоминания, бежать на Радио, монтировать передачу, пока не заняли компьютер. Но я продолжал лежать, сон не отпускал меня...

Вспомнил! Месяца полтора назад моя дочь с восторгом пересказала мне письмо, которое получила от незнакомой девочки из Питера. Простое письмо с желанием общаться и дружить. Среди обычного детского вздора, писанного взахлёб, запомнил один казус: девочку звали Суламифь, будто она искала в Святцах День своих именин и не могла найти. В церковных Святцах этого имени действительно нет. Только в Ветхом Завете, почти языческой «Песнь песней» Соломона встречается редкое еврейское имя Суламифь – возвышенный образ возлюбленной пылкого царя. Питерская девочка совершает странную логическую эскападу, решив, что библейское имя Саломея – производное от Суламифь (хотя сие этимологически совершенно неверно), и избирает своим Днём Ангела 11 сентября – день, когда юная про-

штушка Саломея потребовала от жестокого иудейского царя Ирода Антипы в подарок за свой волшебный танец с семью покрывалами (прообраз современного стриптиза) голову Иоанна Крестителя. Что-то подсказывало мне – девочка не может написать подобное письмо.

Я тогда пересказал неразумной тринадцатилетней своей дочери этот ужасающий евангельский сюжет, и объяснил, что девочка, написавшая письмо, поступила нелепо и кощунственно, выбрав день казни своим Днём Ангела. Возможно, тон мой был излишне менторским: дочь ничего больше не рассказывала о письмах питерской Саломеи-Суламифи.

Однажды, подметая пол, обнаружил в углу срез почтового конверта, на котором были видны половинки букв знакомого и одновременно неузнаваемого почерка. Ясно было, что письмо адресовано моей жене, дочь никогда не пользовалась ножницами, нетерпеливо взрывая конверты, не щадя драгоценных марок. Первое обжигающее желание: узнать – от кого письмо? Подобное любопытство и прежде в нашем доме не поощрялось, теперь же было невозможно совсем, отношения с женой с каждым днём становились всё напряжённей – мы давно спали в разных комнатах и общались крайне скупно: что купить, что постирать, что приготовить дочери Жена мучительно писала диссертацию, и все заботы о доме я взял на себя.

Одновременно происходило и что-то совершенно непонятное: она явно и таинственно расцветала, порою смотрела на меня с жалостью, другой раз – со скрытым превосходством, будто отдаляясь от меня. Это особенно терзало и пробуждало необъяснимую ревность. Желая сбросить это выматывающее чувство, выпрыгнул из постели, еле терпимым ледяным душем попытался смыть сон и пошёл на кухню приготовить завтрак.

Обжёгшись первым благостным глотком кофе, услышал смех дочери. Она явно металась по сетям Интернета и одновременно болтала по Скайпу. Не желая вслушиваться в этот беспорядочный трёп, включил Вести. Говорили о

каких-то локально-войсковых операциях на Кавказе. Не знаю отчего, вдруг вспомнил одно выражение Абросимова, часто повторяемое им: «Онания есть способ жизни, мирозерцание, творческий метод».

Если следовать этой логике, то письма, которые, возможно, он отправил моей дочери и жене и есть некий акт онании. Даже, не надеясь на ответы, факт прочтения этих писем и чувства, связанные с ним, в его буйной фантазии рожают почти реальное мифотворческое событие. Это ему и нужно – и как акт онании, и как акт творчества. Что делать?! После монтажа передачи пойти к Абросимову и напрямую задать все жгущие вопросы или ... Что или – я не знал.

Как я и опасался, компьютер в редакции был занят. Мне предстояло подождать с полчаса. Как раз время, чтобы постоять на лестничной площадке, покурить и потрепаться. Компании возникали спонтанно: у одного неожиданная пауза, другой выбежал в запале работы на полминуты – курнуть и перевести дух.

На самом деле я не курил, но для таких случаев носил хорошие, дорогие сигареты, понемножку тянул сам, почти не затягиваясь, не без скрытой гордости, но с удовольствием угощал других. Как ни странно, этот незатейливый приём развязывал языки даже тем, кто предпочитал помалкивать о внутрикorporативной возне, движениях и даже семейных секретах. Точно так же я мог собрать информацию о самом закрытом заводе в соседней пивной, прежде чем брать интервью у директора или главного инженера. Важна только первая фраза. Эти люди представлялись затейливыми персонажами моих будущих книг, и я смотрел на них свысока. Скорее то были мечты, которыми выстлана дорога в Ад. А в мозгу всё продолжала крутиться фраза: «Онания – мирозерцание, творческий метод». Я так сильно затянулся, что закашлялся и не мог остановиться, кто-то засмеялся, кто-то постучал меня по спине, в глазах даже выступили слёзы, видимо, табак был достаточно крепким. Там на лестнице я и

узнал, что между основными фигурами на радио идёт борьба: одни ратуют за более дорогую рекламу, другие – за количество интересных материалов в эфире. Я решил зайти к одному из этих руководителей попросить дополнительные две минуты к моей передаче. Казалось, не без основания, он относится с симпатией к моим работам, а тема улиц Новосибирска того заслуживала – история города в улицах! По-настоящему её и за двадцать-то минут не перескажешь! Нужна настоящая большая передача, впрочем, теперь на нашем радио подобное не водится.

Я решил угостить моего покровителя забавным рассказом об улице Моцарта, бывшей Синдикатской, где сам попал в курьёзную ситуацию. Бдительный старичок-боровичок, работавший в огороде, пытался арестовать меня и требовал документы, поскольку я слишком назойливо интересовался степенью осведомлённости местных жителей о всемирно известном композиторе – авторе бессмертных произведений. Но уже на пороге, увидав меня, редактор торопливо щёлкнул кнопкой, закрывая на экране какую-то таинственную, не предназначенную для чужих глаз программу.

– На этой неделе твоя передача об улицах не пойдёт! – сказал он раздражённо. – Может, на следующей. Но две минуты добавил.

Всё это значило, что передача может пойти только в начале следующего месяца, и деньги я получу дней через сорок. Надо было бежать дальше, в журнале «Вояж» лежала без движения моя статья о художнике Никольском, устроившем выставку после творческой поездки в Японию. Пора подтолкнуть эту дорогую мне рецензию. Вообще, таких журналистов, как я, кормят ноги, безудержное любопытство и общительность.

Недавно меня познакомили с богатым яхтсменом. Он отправлялся в кругосветное путешествие и предложил мне описать его морские приключения, вручил приличный аванс. Договорились: из каждого порта он будет отправлять электронные письма, через год я должен представить книгу в триста страниц, ве-

селее и занимательней гончаровского «Фрегата Паллады», тогда и получу полновесный гонорар. Я решил рискнуть и согласился.

Когда об этом рассказал Абросимову, он зло буркнул:

– Брось эту подёнщину. Пиши своё.

– У меня же семья, где деньги брать?

– Зачем тебе семья? – меня всегда злили его любимые вопросы.

– Тебе не понять. Я сам выбираю сюжет!

– Сам?! – Абросимов саркастически улыбнулся.

Выбор сюжета! Может, он прав?! Кто кого выбирает? Мы – его или он – нас? Яркость и парадоксальность его мыслей, прежде привлекавшие, начинали раздражать.

Я стоял раздавленный после препирательств с редактором «Вояжа». Он потребовал значительно сократить статью. Резать по живому, выстраданному было убийственно больно, припёртый к стенке отказом публиковать, я согласился.

Теперь испытывал досаду и горький стыд перед будущими читателями, многих из которых наверняка знал, особенно перед Абросимовым, который скептически улыбнулся, узнав о моей затее написать о художнике ...

Вот и он – поворот сюжета! Идти к Абросимову и задавать проклятушие вопросы я категорически не хотел, во всяком случае, не сейчас. Вернуться домой к обрыдлому письменному столу и компьютеру вовсе не желал. Провидческий сон, ревность и подозрения накатывали и обжигали меня вновь. Я позвонил своей давней подруге, мрачно пошутил:

– Иду к тебе, как сумбур вместо музыки!

– То есть, как Леди Макбет проездом из Мценского уезда? – весело откликнулась Дина. Наши встречи мы всегда превращали в игру.

С плетёным из конской гривы шнурком весталки вокруг головы над синими альпийскими глазами, она была скульптором с сильными, огрубелыми руками каменотёса. Её прикосновение

волновало. Как и я, Дина жила в семье внешне благополучной. Муж был доктором физики и часто по делам службы посещал Англию, где их сын штудировал медицину. Иногда мы устраивали общесемейные праздники: летом – лодка и рыбалка на обских островах или парная и шашлыки на даче, зимой – художественные выставки, где участвовала Дина или балет – оперу никто из нас не любил.

Из троллейбуса я вышел у храма Александра Невского. Нужно было перейти Спартакровский мост, там была её мастерская. Огромное помещение (можно кататься на велосипеде), посреди мастерской два-три широких табурета с незаконченными работами, укрытыми влажными простынями, чтобы не пересохли; пять больших окон затянуты тонким полотном с крупной красной аппликацией из её инициалов в готических очертаниях: DS – Дина Сафронова. В отдельной комнате высоченная муфельная печь с люком от ТУ-144 – сооружение поклонников с завода имени Чкалова. Иногда я помогал Дине загружать в неё тяжёлые работы.

Прежде чем включить рубильник, Дина молилась печи какими-то своими языческими приговорами ...

Когда печь начинала нагреваться и гудеть от своей неумной мощи, мы с Диной, подчиняясь этому гуду, заводили свои импровизированные ритуальные танцы, ускоряя темп и сбрасывая одежды. В этих играх мы превращались в детей, не испытывая никаких угрызений совести перед взрослыми, в тот миг далёкими от нас людьми. Крутятся и дико выплясывая, мы устраивали фантастические сюжеты: однажды мы обыгрывали Дафниса и Хлою, другой раз, поставив меня на низкий табурет, обвязала разновеликими кружичками и кружечками, которые сама выпекала в своей муфельной матроне, и стремительно сделала карандашный набросок. В этот миг на полотне, закрывавшем окно, как на экране, я увидел тень чьей-то головы почти недвижимой, и затем спустившейся вниз, как в преисподнюю. Дине я тогда ничего не сказал. Вскоре сотворён-

ная Диной мама-кружка с присосавшимися детёнышами-кружечками обошла многие художественные и модные журналы. Увидев один из них, Абросимов заявил:

– Так я и думал! Это не мама-кружка, а какой-то гермафродит.

– С чего ты взял?

Он ткнул пальцем в низ композиции: – А это что?

– Рождается новая кружечка, ответил я.

– С шариками для пинг-понга вместо крылышек?

– В настоящем большом таланте бездна непосредственности, – твёрдо сказал я, не желая продолжать разговор.

Предвкушал ли я радостные возгласы Дины? Скорее необъяснимое чувство замедляло мои шаги. Как вдруг купольная громадина собора ожгла мой затылок и со всею своею гравитационной мощью повлекла в себя. Как в тумане, путаясь в деньгах, заикаясь, купил свечи и позвонил Дине:

– Извини! Обстоятельства! Не смогу прийти.

– Жалко, – произнесла она упавшим голосом, – я надеялась, ты поможешь загрузить печь.

Слова «загрузить печь» меня резанули, мы часто пользовались ими иносказательно...

Я зашёл в храм... Обычно в середине дня он бывает почти пуст. Только у левого клироса высокий священник тихо беседовал с модно одетым юношей, в другой стороне храма, рядом с иконой Великомученика Пантелеймона, на кончике длинной скамьи сидела женщина с грудным ребёнком.

У Божьей Матери Оранты догорали две свечи. Я дважды перекрестился, поцеловал икону и поставил свечу. В стекле иконы заколыхались огоньки. «Богородица Дево, радуйся, – не узнавая своего голоса, тихо произнёс я, – Благодатная Марие, Господь с тобой, благословенна Ты в женах и Благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших. Аминь! – Я умолк, чтобы сосредоточиться, и вдруг начал говорить, словно монолог мой был давно пережит

и обдуман: – Царица Небесная Пресвятая Дева Мария, Ты всё видишь и всё знаешь, взгляни на меня грешного – моя душа в смятении, я не понимаю – так ли я живу?! Не понимаю, что творится в моей семье. И вдруг этот страшный сон, вдруг мои догадки! Всё рушится в моём сознании. Я почти теряю рассудок! Прощу Тебя, Царица Небесная, просвети мой смущённый ум, научи – как вернуть гармонию душе моей? Могу ли я стереть ужасные подозрения и не осуждать друга моего?

Я постоял ещё немного, будто ожидая какого-то движения или ответа, ещё раз поцеловал холодное стекло, затем поставил поминальные свечи к распятию и вышел на свежий воздух. Эмоции, клокодавшие в моём сердце, немного успокоились. Я стал думать – что делать дальше?..

В библиотеке меня ждали две книги: об ориентировании по звёздам и такелаж средних яхт. Необходимо было идти в ГПНТБ.

У стеллажа с новыми поступлениями увидел мужа Дины. Он меня тоже увидел. В руках его был журнал «Ядерная физика и инжиниринг». Наши взгляды странным образом скрестились. Но он мне улыбнулся приспущенными, как у Будды, веками на смуглом, с белёсым старым шрамом, лице:

– Привет! Что привело?

Я рассказал о кругосветном путешествии своего заказчика.

– Обязательно возьми книги о сезонных течениях в Тихом и Атлантическом и о миграции планктона.

Я согласно кивал, остро ощущая неловкость и вину перед ним за отношения с Диной, которые прежде не учитывал вовсе или принимал как забаву.

– А я сейчас две статейки пробегу, – казалось, он слишком внимательно всматривается в меня, – и пойду помочь Дине загрузить печь.

– С Богом, – стараясь быть деловитым, сказал я, – передавай привет, а я пойду к каталогу, поищу, что ты советуешь, – пожал протянутую сильную руку и ушёл.

Я выписал нужные книги и взял те,

что ждали меня. Сел через два стола позади него, проход мой он не заметил, был углублён в свой журнал. Я начал читать и не мог сосредоточиться, передо мной маячили его уши топориком и мощный лысеющий затылок. Не мог заставить себя не думать о том, как он общается с Диной наедине...

Без десяти пять было слышно, как где-то вдалеке ухнул церковный колокол, призывая к вечерней службе.

Он поднялся, сдал журнал и вышел, не оглянувшись. Я ещё помучился со своими книгами и покинул библиотеку.

Сюрпризы этого дня, по-видимому, ещё не были исчерпаны: в троллейбус, в котором я ехал, у цирка вошла моя жена. Она увидела меня, но рядом не села, присела напротив, через проход, недалеко. Правду сказать, я не сделал никакого призывного движения. Некоторое время мы ехали в напряжённом молчании, затем она вытащила из наплечной сумки маленькую брошюрку и стала рассматривать. Я понял, что напечатали реферат её диссертации, не удержавшись, спросил:

– Реферат? – она помахала им перед моим взором, улыбнулась и горделиво ответила:

– А то?! – поморщившись, продолжила: – После того, как ты ушёл, позвонил твой друг Абросимов и объявил в своей безапелляционной манере, что часов в восемь придёт к тебе после какого-то фильма на Каинской. – На лице брезгливая мина: – Ненавижу, когда он приходит, за столом заглатывает всё подряд жадно и неаккуратно, да ещё позволяет делать замечания – недосолила, недоперчила! Знаешь, – неожиданно сказала она, – я, пожалуй, здесь выйду. Возьми мою сумку – ужас, какая тяжёлая, хочу зайти в магазин, посмотрю какое-нибудь платье к защите.

Сумка, действительно, была очень тяжёлой, около сотни рефератов тянули к земле, издавая ацетонно-наркотический аромат свежей типографской краски. Абросимов говорил, что он терпеть не может этот отвратительный запах, и поэтому принципиально не делает ни одного движения, дабы опубликоваться.

А я ведь нянчился с ним, уговаривал его хоть что-то отнести в журнал, предлагал всяческую помощь. Могла бы иметь серьёзный успех его повесть «Лучники и лучницы», нужно было только немного подправить, избавить от онанистической сумасшедшинки.

Работая ночным сторожем на строительстве монастыря, Абросимов с превеликим любопытством вёл душевные беседы с монахами, забегавшими к нему с бутылочкой, широко философствуя, подбивал несчастных к побегу из обители и торжествовал, когда это вдруг свершалось – это при всём том, что сам он прекрасно знал все службы и праздники, аккуратно посещал церковь, но сидел в нём какой-то бес... Мне он объяснял, что выгоняет свиней из храма. Иногда я и сам с удовольствием участвовал в его «ситуационных» играх, так мы их называли.

Однажды я написал небольшое шуточное эссе: «Эрос и танатос» к придуманному им обряду празднования Вальпургиевой ночи. Он же придумал вызывающе парадоксальный экзальтированный спич: «Развитие культуры от Божьей Матери Оранты до шведской порнографии». В тот миг я им искренне восхищался. На роль ведьмы мы пригласили Риту Кентаврскую из Академгородка – мою давнюю знакомую, она со своей подвижной психикой вполне годилась для этого. Рита приехала с очень правильной и строгой подругой, что нарушило наши фантазийные планы празднования интеллектуально-эротической Вальпургиевой звёздной ночи и испортило торжественный выход грядущим утром на Первомайскую демонстрацию с протестно-дессидентскими кукишами в карманах.

Абросимов! ЕВА-онанист! Что мечтает он увидеть сегодня в нашем доме?! Проверить действие своих психологических сигналов? Внести коррекцию в свои высокомерные и циничные опыты? А может, письма пишет вовсе не он? А тот, с ушами топориком? Нет, нет! Физик не может изощряться в бесовской игре с Евангельскими текстами. Именно Абросимов любил повторять: «Моя

философия – цинизм, возведённый в абсолют!».

Дочь я застал за компьютером. Она оторвала взор от экрана, посмотрела на меня торжествующе:

– У меня уже четыреста семнадцать друзей в фейсбуке!

– И по какому же принципу ты их отбираешь? – Она пожала плечами. – Да так... нравится – не нравится. – Помолчав, серьёзно спросила: – А правда, что настоящая любовь может быть только к Богу? Если двое любят Бога, значит, они любят друг друга?!

Я замер – что ответить? В мой памяти вдруг всплыл диалог из фильма «Адъютант Его Превосходительства»: «Павел Андреевич, вы – шпион? – Видишь ли, Юра...» Быстрого ответа я не знал и лихорадочно искал его.

– Вот ты любишь маму, – начал я, – в этот момент не думаешь о Боге, правда? И я люблю тебя в независимости от Бога. Любовь многолика. Чтобы заслужить любовь Бога, надо сильно потрудиться душой, ну, хотя бы соблюдать все заповеди, что очень не просто. И любить Бога – это тоже труд, – я говорил и не верил сам себе: лукавлю или на самом деле так думаю?! Раньше я не произносил вслух этих слов: вероятно, во мне все эти годы шла какая-то сокрытая внутренняя борьба и Абросимов явился подспудным катализатором моего Богоискания. С какими мыслями он придёт сегодня? Что начнёт проповедовать? Вновь искусство разложения и тления?

Я пошёл к холодильнику взглянуть, чем покормить моего маниакально эротичного Учителя, змеемудрого Гуру. Обнаружил полбутылки водки, большой кусок «Советского» сыра, который тот любил до чрезвычайности, и маринованные огурцы в банке. Успокоился. Быстро отварю картошки, сотворю бараньи котлетки – и всё! Он ни от чего не откажется и обязательно попросит крепкого кофе, мёда или варенья. Всё было. Я представил его жующим: нависающие над тарелкой крылья жирных волос, крошки в бороде... И это болезненное видение моей жены, когда она рожала нашу дочь: будто он так же нависал над

ней и, витийствуя, бормотал: «Наследница, наследница, рождается наследница...» Узнав об этом, он твёрдо уверился, что моя родная дочь является его духовным продолжением и потому подчинена его скрытой воле. Бог знает, сколько лет он был моим загадочным другом и нашим с женой проклятьем! Он исподволь выведывал и постоянно комментировал наши с женой отношения. Поставить абсолютный заслон этому было почти невозможно, он смертельно обижался: «Её величество Ситуация – моё писательское кредо!».

Приходя к нам, он тут же шёл в туалет, потом по-детски брезгливо мыл кончики пальцев и сейчас же садился за стол, ревниво смотрел на тарелки и молчал, пока не наестся.

Сегодня, едва усевшись, спросил: – Где супруга?

– Сейчас придёт, – я ждал ещё вопросов, но они не последовали...

Сел и я. Выпили по рюмке водки. Молчали. Ждали, пока доварится картошка и дожарятся котлетки. Он или не он? – истязал я себя пыточным вопросом, наблюдая, как ЕВА самозабвенно и безоглядно поглощает сыр... В этот миг я ненавидел его и заставлял себя мысленно повторять: «Господи! Даруй ми зрители мои прегрешения и не осуждати брата моего».

На запах готовящейся пищи вышла дочь:

– Пап, я тоже хочу есть.

– Ещё минутку – я тебя позову.

– А можешь сделать ещё гренки с сахаром?

– Запросто. Иди, я позову, когда всё будет готово. – Мне не хотелось, чтобы Абросимов оглядывал её. Дочь уже перешагнула пору нимфеток, угловатость начинало замещать изящество женских очертаний.

– Кто ей делает педикюр? – нагло спросил Абросимов.

– Ты намекаешь на сцену из «Лолиты»? Оставь, пожалуйста, мне это неприятно.

Он усмехнулся:

– Какая тебе разница?

– Она моя дочь, а я её отец, и этим

всё сказано. Прошу тебя – держи всё при себе, а лучше засунь... куда подальше!

Щёлкнул замок и вошла моя жена с каким-то большим пакетом.

– Купила? – спросил я.

– Купила, – усмехнулась она, – кастрюльку с ручкой, не смогла удержаться, – и извлекла на свет большое сияющее чудо с благородно звякнувшей крышкой.

– Очень удобно бить по щекам и голове, – прокомментировал Абросимов, проведя усмешливым взглядом по женщине. – А если сильно возникает, надеть на голову и изолировать.

Она засмеялась и попросила:

– Покормите меня, жутко голодная. Мне кое-что ещё в докладе нужно успеть сегодня доделать.

Я посмотрел на неё с удивлением – неужели это знак прежних отношений, или только демонстрация перед Абросимовым?! Благополучная семья!

– Представляешь?! – казалось, она не лукавит, – платье, которое мне подошло, – семь тысяч, а костюм – восемь!

– Ну, покупай. – Я со злорадством посмотрел на наблюдавшего Абросимова, – пусть завидует! Она взглянула на меня тягуче пристально и ничего не ответила. – Я получил аванс за книжку от яхтсмена.

– Скоро богатым будешь, – с язвительной неприязнью сказал Абросимов. – Уж тогда поставишь не полбутылки, а целую.

– Садись, – сказал я жене, – всё уже готово. Дочь хотела поесть.

– Я лучше ей отнесу и сама с ней поужинаю, а вы тут трепитесь «о своём девичьем». Она поставила на сервировочный столик тарелки с едой, прикрыла крышками, чтобы не остывала, и увезла.

– Наслаждаешься домашним уютом? – Абросимов уже дожевывал последний кусок котлеты и блаженно отвалился от стола.

– Нет! Уже привык. Вспоминаю, как мы с тобою писали радиопьесу о Мусоргском. Я тогда её назвал: «Последний портрет композитора», а ты ...

– «Прогулки с Рангони».

– И я тогда согласился, хотя реальным гонителем и дьяволом для Модеста Петровича являлся третьесортный композитор Цезарь Кюи, а ты на роль историка избрал мифического иезуита Рангони.

– Тебе же понравилось?

– Тогда – да! Сейчас бы я предпочёл педантичного Цезаря Кюи, в его плоти и крови, ненавистника великоросской удали, размаха фантазии ...

– Тогда ставь кофе, да покрепче!

Кофе я готовлю отменный, из итальянских сортов, с солью, корицей и перцем. Сначала в джезве обжигая до половины кусочек тростникового сахара, сразу же засыпаю кофе, пару раз встряхиваю, заливаю чуть остывший кипяток, затем соль и прочее, ставлю на горячую конфорку и внимательно слежу за поднимающейся пенкой ... Её нельзя упустить. Всё!

Пока обжигал сахар, родилась авантюрная мысль:

– А что, ЕВА, – я разложил пенку по чашкам, – не тряхнуть ли нам стариной?! Предлагаю написать общий рассказ на свободную тему: я – не больше четверти обычного листа, потом ты, не больше, затем опять я, как в буриме. – Зачем это тебе? – Абросимов с наслаждением отпил кофе, облизал пенку с усов и стряхнул невидимую крошку указательным пальцем с бороды. Кофе он считал священным напитком, пил медленно, солидно, с покрыванием.

– Хочу подкачать мышцы перед броском в книгу.

– Ну-ну!

– Так ты согласен?

– При условии: без явного сюжета и диалогов.

– А если с сюжетом?

– Зачем? Сюжет исчерпан уже Набоковым. На нём заканчивается русская литература.

– Ну а Шукшин, Сорокин, Улицкая?

– Это всё – лубок! Может быть, ещё я успею вскочить на последнюю ступеньку трапа, уходящего в космос корабля ...

– Для этого надо хотя бы печататься!

– К чему мелочная гордыня?! Для этого как раз не надо печататься. Космосу всё равно, даже лучше, если шедевр в рукописи, нет холодной механистичности бездушного станка!

– Тогда – по рукам! – Я почти ему верил. – Сегодня же пишу и диктую тебе по телефону. На размышления – не более суток.

Мы допили остывший кофе, – я ждал продолжения. Он со странным вниманием вглядывался в чашку, затем указательным пальцем зачерпнул гущу, сунул в рот и некоторое время жевал, всматриваясь в дно... Затем молча поднялся, словно благословляя, махнул рукой, многозначительно покинул мирное наше жилище ... Так он всегда уходил, не прощаясь.

Я быстро убрал на кухне и сел писать рассказ.

Первые фразы написал сразу же: «Было ли это во сне? – снег начал падать внезапно, крупными хлопьями, он залепил всё вокруг – машины и мост, по которому я бежал, розовым туманом. И вдруг всё прекратилось: из-за стен домов выкатилось мутное солнце и, вращаясь, сбрасывая с себя дымные облачка и раскаляясь, поплыло к трубам Третьей ТЭЦ»...

Я перестал писать, задумался... Отметил – пишу не на компьютере, как обычно, а от руки, словно уподобясь Абросимову и его космосу... Но ведь это – дуэль, всего лишь литературная дуэль... Во мне вновь закипела ненависть, ревность... К жене или его литературному космосу? Я готов был влить пулю между двух крыльев его засаленных волос... Разве я сам не виноват? – слишком далеко зашли наши с ним ситуационные игры! Но он потерял чувство меры! А скорее, никогда его не имел. И я продолжил безжалостно:

«Я твёрдо знал – если не успею пробежать, пролететь, проскочить между этих труб и, оттолкнув, чуть раздвинуть их, безжалостное яростное солнце займёт это узкое пространство, своею многомилионно-рентгеновской радиацией расплавит эти высокие трубы, соединив их в одну, подобно двум сакральным име-

нам: Саломеи и Суламифь, волею злого гения слитых воедино... Бежал я задыхаясь, изо всех сил, ботинки черпали мокрый снег, становились пудовыми, чувствовал – не успеваю... Вот-вот закончится танец семи покрывал... Кто будет целовать мёртвый рот усекновенной главы Пророка Иоанна? Чьи именины будут воспевать адские трубы одиннадцатого сентября?»... Поставил три жирных точки, сорвал с рычагов телефонную трубку, набрал номер Абросимова. Тот долго не подходил, затем раздался его хриплый голос.

– Записывай! – начал диктовать внятно, по слогам. Вначале он повторял за мной, потом перестал, слышно было, как шелестит бумага... Я представил, как он держит трубку, прижав плечом.

– Всё! – Я ждал его реакции, в трубке раздавался только лёгкий треск, Абросимов молчал... наконец очень спокойно спросил:

– Сколько времени даёшь... на продолжение? – последние слова прозвучали многозначительно.

– Сутки, как договорились.

– Хорошо.

Он повесил трубку.

Меня охватило нетерпение, я жаждал борьбы, метался по комнате, сторожа ответный звонок... Писал он всегда стремительно и называл это саморазвивающимся текстом, в который погружался с головой, следуя лишь одному ему известной стихии... Но звонка не было и следовало чем-то занять себя... Я схватил губку и начал перемывать всё подряд: чашки, вилки, тарелки, столешницу, пол и даже дверные ручки – всё, чего он коснулся или мог касаться. И вдруг тихо рассмеялся от неожиданной мысли – будто я глава львиного прайда и инстинктивно мечу свою территорию не мочой, как царь зверей, а раствором лицензионной жидкости «Ферри» – «капля вымоет всю посуду!» Вышла жена, в удивлении подняла брови:

– Я думала, ты спишь!

Я неопределённо мотнул головой.

– А я поставила последнюю точку. – Мне захотелось, было, многозначительно сострить, но она опередила меня.

– Пойдём покурим, обозначим событие!

Что это? Вызов?! – прежде она никогда не курила. Я протёр руки, положил на стол свою пачку с сигаретами. Она рядом выложила свою и засмеялась. Судя по всему, наша дочь уже спала, в её комнате было тихо. Я плотно прикрыл кухонную дверь и чиркнул зажигалкой. Первые же струйки дыма сдвинули стены кухни, приблизив нас друг к другу, поток ностальгических воспоминаний укрыл нас любовным томлением.

С той прошёной ночи наши дни наполнились уютным семейным счастьем. Мы завтракали, обедали и ужинали все вместе, втроём. Даже дочь притихла, меньше сидела за компьютером, начала читать. По очереди мы изобретали и готовили всякие вкусности. Я совершенно выпустил из сознания свою затею с рассказом и Абросимовым...

В день защиты диссертации утро случилось суетливым, хотя накануне вечером всё было приготовлено. Но не учли каких-то мелочей. После невнятного завтрака дочка была отправлена за цветами. На диване и стульях была разложена парадная одежда, на столе валялись незакрытыми священные орудия макияжа. Дочь вернулась с букетом и письмом для меня от Абросимова. Я удивился и решил, что ЕВА против уговора, разрился целым рассказом. Но письмо было кратким, на одном листочке:

«Дорогой Компаузунит! – так он называл меня с первого дня нашей дружбы, – все варианты своего ухода я изложил в своём последнем романе «Веер Дна» и поэме «Светлая». Амбарные книги, все сорок семь штук целиком оставил для тебя в Союзе журналистов. Делай с ними, что хочешь. Председатель и секретарша предупреждены – отдать лично тебе. Квартиру, вероятно, заберут мои кемеровские родственники. На могиле моей, если найдёшь, поставь такой же деревянный крест, как мы с тобою вырезали для Александра Евгеньевича – моего отчима. Из начала рассказа, который ты мне надиктовал, сделай бумажный кораблик и 23 апреля – Юбилей нашего знакомства и дружбы – пусть по

водам Второй Ельцовки, что на улице Моцарта, так и не отдавшей нам свои тайны. Торопись, пока её не замыли обским песком. ЕВА».

Я сорвался, мало что объяснив жене, схватил на углу первую попавшуюся машину и, подгоняя водителя, полетел на левый берег...

Дверь в его квартиру распахнута настежь, в безжалостно оголённых комнатах бригада таджиков обдирает потолок и стены, выносят прогнившую ржавую сантехнику, объяснить ничего не могут. Я позвонил соседке, она мне рассказала, как пять дней назад почувствовали сильный запах газа, позвонили газовикам и в домоуправление, те уже вызвали милицию, обнаружили труп, увезли в морг. К вечеру приехали родственники и начали тут шуровать. Где и как похоронили не знает, знает только, что нашли его на постели одетым, сказали – отравился газом, их вызывали как понятых. Безобидный был человек, мы думали – то ли священник, то ли монах, разговоров он избегал.

«Великий роман *Finita la Comedia* не может быть написан, только сотворён, – пронеслось у меня в голове. – Выходит, фирменный творческий метод – онания, дал трещину!». Вероятно, последнюю фразу я произнёс вслух. Соседка опасно захлопнула дверь, звякнула цепочка. «Затрещину» – отыграло далёкое эхо в лестничном проёме.

Я поехал в морг, узнал, что Абросимова Евгения Валентиновича утром увезли хоронить на Хилокское кладбище, «по разрядке» с другими безродными, адрес могилы можно узнать там, в конторе.

Выяснить место захоронения оказалось не сложным. В конторе указали на схеме квартал и назвали четырёхзначный номер могилы.

Среди притоптанного снега, перемешанного с рыжей глиной, торчали пять невысоких холмиков, на каждом – Т-образная дощечка с рисованным номером. Всё строго по ранжиру, даже последняя цифра в номерах – неизменная шестёрка. Что это? – с пьяных глаз или такая кладбищенская шутка?

Я постоял, помолился за всех пятерых – несчастных, заблудившихся людей, и подумал, что Абросимову рядом с ними не будет скучно. Становилось холодно. Прежде чем уйти, поднял ком мёрзлой глины, как мог размял в пальцах и посыпал на все могилы, произнёс внятно, будто ЕВА мог слышать: «Прости Господи моего друга Евгения, преступившего Закон Твой. Прости и меня грешного, вольно или невольно подтолкнувшего его к этой могиле». Твёрдо решил, что узнаю имена всех, захороненных здесь, и поставлю общий крест.

Неожиданно поднялся северный ветер, обжёг лицо, пробрался под куртку, руки ломило от холода, я мелко перекрестился и пошёл с кладбища, не оглядываясь, на одеревеневших ногах. В голове, как на заезженной пластинке, вертелся последний прощальный жест Абросимова...

В Союзе журналистов секретарша, увидев меня, сказала: «Тут вам какой-то сумасшедший оставил посылку, я даже её не трогала». Я заглянул в китайский пластиковый мешок, он не был ничем перевязан, но все сорок семь амбарных книг оказались прочно скреплены разномастными бечёвками, лохматыми концами связанными друг с другом. Вот они – все его тайны, где-то тут и мои... Однажды в душевной беседе он признался мне, что подглядывал за нами с Диной в просвет между шторой и подоконником. Тогда я только по-гусарски посмеялся: ситуация ведь! – взрослый половозрелый мужик подглядывает! «Ты же сказал, – напомнил он мне, – что любовницы бодрят семейную жизнь.» – «Для тебя это приглашение к подглядыванию?» – «Тогда я мало что увидел. Мне интересно было пронаблюдать, как интеллигент сбрасывает свои пёстрые одежды, оголяясь, становится обыкновенным, заурядным человеком...» Эта давняя реплика занозой крепко сидела во мне. Я взялся за горловину неудобного мешка и тут позвонила жена: «Поздравь! Я защитилась! Мы идём в «Тифлис» на улице Советской. Приходи туда».

– Извини! Сегодня я выпадаю из вашей колоды. Только что с кладбища, от

могилы Абросимова. Объясню потом. Мне надо побыть одному, помянуть его. Тем не менее, я поздравляю тебя. Это очень большое достижение – защита! И надо было каждый день быть рядом, чтобы понять – какой это громадный, и в основе, бескорыстный труд. Отпразднуй за всех нас, а завтра отметим в тесном семейном кругу. – Не дожидаясь её реакции, отключился.

Дома запрягал мешок с рукописями Абросимова в дальний угол кладовки, туда, где стояла сумка с кранами и прокладками, когда-то очень нужными, а теперь бесполезными, я их вынес к мусоропроводу, вдруг кому-то пригодятся. Теперь я буду решать судьбу рукописей сам, лично. Я, ЕВА, твой судья, прокурор и адвокат!

В квартире присутствовали следы неуюта, оставшиеся от подготовке к защите. Мне это мешало, и я всё убрал по своим местам. Но и это не принесло мне равновесия. Через час должна была вернуться дочь после тренировки, я начал готовить её любимые гренки. Делал всё, чтобы уйти от мыслей, обрушившихся на меня в последние дни. И не мог. Абросимов стоял надо мной молчаливым упрёком. Память поднимала со дна то жест, то слова, то странности его ...

Я откупорил бутылку коньяка, приготовленную к празднику, и махом выпил полстакана. На холодильнике, развёрнутое парусом, продолжало лежать его письмо. Не перечитывая, я сложил его и сунул в китайский мешок, запряженный в темноте кладовки...

Когда-то, ещё до рождения моей дочери, мы стояли с ним в конце улицы Моцарта, там, где сливается Вторая Ельцовка с Обью, и бросали в весенние озорные потоки камешки, радуясь наше-

му неожиданному открытию этой фантастогорической улицы, в восторге орали, перебивая друг друга:

- Улица Моцарта!
- У лица Моцарта!
- Улица Моцарта!
- У лица Моцарта!

И выпевали стихи Блаженного Вениамина:

«Какое мне дело – живой или мёртвый,
Со мною поёт в этом дружном дуэте.
Уже разложив я волшебные ноты,
А Моцарт играет в саду на кларнете.
Играет в саду ли, играет в Аду ли,
Играет в Раю ли, какое мне дело!
Когда, словно пух тополиный в июле,
Куда-то звенит, поднимается тело.
Тогда становлюсь я летающим пухом,
Прошитым иголками знойного света,
И слушаю, слушаю трепетным ухом
Мелодии непроходящего лета.
И Моцарта слушают даже пичуги
И робко посвистывают в отдаленьи,
И вдруг замолкают в печальном испуге,
В сладчайшем испуге,
в сладчайшем томленьи».

Я повторял и повторял эти завораживающие стихи и не заметил, как заснул в кресле. Не услышал, как пришла дочь, как вернулась жена, проснулся в полной темноте, заботливо укрытый пледом.

Резко
Пахли
Срезанные
Цветы.

Меня неудержимо повлекло к амбарным книгам Абросимова. Открыть и читать, беря свои заскорузлые раны соперничества за женщину и литературный успех. Так, вероятно, убийцу тянет на место преступления. Удержусь ли?

Новосибирск, 21 апреля 2012 года.